

10 февраля – День памяти А.С. Пушкина

Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

ПРИКОСНУТЬСЯ К ПУШКИНУ

«На нём нигде точку не поставишь...»

В этом году исполняется 185 лет со дня гибели великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

С каких пор и как для нас начинается Пушкин? По-разному. С детства, с царя Салтана и царевича Гвидона, с мёртвой царевны, с «Зимней дороги» и «Зимнего вечера», особенно любимых нашими бабушками, с юности, со школьных лет, с четырёхстопного ямба «Онегина» и целомудренного Татьянинного письма, с лаконичных «Повестей Белкина», с иноземных и загадочных «Маленьких трагедий»... Пушкин открывается и в зрелые годы с философских стихов его последнего периода жизни...

Вернёмся памятью в прошлое, в последний, 1836 год, сложный год в жизни Пушкина. Прошла эйфория от надежд на амнистию ссыльным декабристам, на которую Пушкин надеялся. Осложнились отношения с Николаем I. Если в двадцатые годы была надежда и вера в царя – продолжателя дел Петровских, царя-преобразователя, то в последующее время царские «милости» стали петлей, затягивающейся на шее поэта. Пожалованный государем чин камер-юнкера унижал его достоинство, обязывал быть постоянно при дворе на балах и иных венценосных событиях. Известно высказывание Пушкина: «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у Царя Небесного». Была не оплачена царская ссуда за «Пугачёва», выданная ему беспроцентно из государственной казны на издание в подведомственной двору типографии. Расчёт царя был точен: приручить поэта, поработить его, внушить искреннюю любовь к правительству. Осень 1835 года прошла неплодотворно, ему запретили выезд в деревню. А он хотел «сбежать»! В письмах к жене в это время он сетует, что всё чаще ему хочется «плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином!»

В конце 1835 года Пушкин хлопочет об учреждении журнала «Современник», ходит в архивы для работы над «Историей Петра», ведёт переговоры со многими будущими сотрудниками «Современника». В Петербурге посещает могилу Дельвига на Волковом кладбище... Встречается с Чаадаевым, Раевским, Брюлловым, Баратынским.

«Единственным уголком, оставшимся людям, любящим и уважающим прямое добро» назвал друг Пушкина Пётр Александрович Плетнёв пушкинский «Современник». В нём были напечатаны пушкинские «Скупой рыцарь», «Родословная моего героя», «Полководец», «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум», «Нос», «Коляска», «Утро делового человека» Гоголя, стихи Жуковского, Тютчева, Кольцова, Д. Давыдова, записки «кавалерист-девицы» Надежды Дуровой, критические статьи Пушкина, Вяземского, Гоголя, А.И. Тургенева, В.Ф. Одоевского. Целая россыпь мысли! В предисловии к изданному в 1987 году сборнику «Современник», включающему все четыре тома журнала, советский историк литературы М.И. Гиллельсон пишет: «Содержание его отличалось такой умственной зрелостью, настолько находилось наравне с европейским просвещением, что журнал не смог найти достаточно широкой аудитории». Жесточайше давила цензура, угнетало противостояние с Ф.В. Булгариным, Н.И. Гречем, О.И. Сенковским и их журналами. Но Пушкин всегда прежде всего ценил дружеский суд, участие своих друзей и единомышленников: Жуковского, Вяземского, Гоголя, Дениса Давыдова.

В период сложного пути издания «Современника» Пушкин во многом опирался на участие князя В.Ф. Одоевского, хотя и в их отношениях не всегда было полное взаимопонимание. Долгие десятилетия после смерти поэта стоял Одоевский на страже интересов русской литературы, отбивая нападения на самое имя Пушкина. Вскоре после гибели Пушкина стараниями его друзей Вяземского, Плетнёва, Одоевского была выпущена начатая ещё при жизни поэта V книга «Современника». Именно Одоевский в своей статье «Пушкин» назвал гибель поэта «Семейною скорбью для целой России». И именно он, Владимир Фёдорович Одоевский, сказал в 1837 году слова, известные миллионам людей: «Солнце нашей поэзии закатилось...».

В апреле 1836 года поэт похоронил мать, один из всей семьи, лишь с верным слугою Никитой Козловым проводил её в последний путь до Святых гор. Это был его последний приезд в Михайловское... Начались долгие материальные трудности с псковским именем, переписка и тяжбы с мужем сестры

Павлищевым. Летом Пушкины живут на даче на Каменном острове. В семье снова радость – Наталья Николаевна родила дочь Наталью. Хотя лето 1836 года выдалось не слишком солнечным, тем не менее оно было последним временем тихой семейной жизни Пушкина и временем последнего его творческого взлёта, когда были написаны стихи потрясающей силы и глубины. По свидетельству французского издателя и дипломата Франсуа-Адольфа Лёве-Веймара, бывшего в это время в Петербурге, «Счастье поэта было велико и достойно зависти, он показывал друзьям с ревностью и в то же время с нежностью свою молодую жену, которую гордо называл моей прекрасной смуглой Мадонной». В воспоминаниях французского гостя осталось впечатление о Пушкине, который всей душой стремился к семейному миру и благополучию, беспокоился о том, что журнал «Современник» не находит должного отклика у читателей. Ещё одной печалью Пушкина, подмеченной французом, было то, что он не был за границей; путешествий, новых впечатлений ему не хватало как воздуха. Ему не хватало в то время даже «бегства в Михайловское» или новой Болдинской осени, но даже краткой передышки ему было не дано.

Царское семейство в это время перебирается во дворец на Елагин остров, начинаются бесконечные балы, светская суэта, визиты, среди прочих – назойливые притязания щёголя-кавалергарда Дантеса... Полетели подмётные письма, поползли слухи, сплетни, пересуды... Нагромождение бытовых неурядиц душило Пушкина, угнетало его. И несмотря на это, он работает над «Капитанской дочкой», «Историей Петра», интересуется переводами «Слова о полку Игореве».

Пушкин в это время создаёт ряд стихотворений, связанных с евангельскими сюжетами: «Молитва» («Отцы-пустынники и жёны непорочны...»), «Подражание итальянскому» («Как с древа сорвался предатель-ученик»), «Мирская власть» («Когда великое свершалось торжество»), «Из Пиндемонти» («Не дорого ценю я громкие права...»), «Когда за городом задумчив я брожу» и «Памятник». В этих стихах – желание обрести силу духа, чтобы всё перенести, всё преодолеть, проявить милосердие к ближним. «Как с древа сорвался предатель-ученик» – о теме предательства, которая близка была Пушкину ещё с послелицейских лет. В последние годы много страстных поклонников пушкинской музыки отвернулись от неё, поверив клевете и наветам... Да и домашний мир грозил разрушиться, и это предательство судьбы могло оказаться хуже всех предательств.

Последние стихи выражают во многом поэтическое кредо поэта: ценность и желание внутренней свободы. Свободы от соприкосновения с царями, с чиновниками всех мастей и рангов, от фальши и лицемерия, приспособленчества, чтобы «не сгинуть в пропасть земли». Помните:

*... иная, лучшая, нужна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними. Никому
Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам...*

Важно и то, что весь последний цикл создавался в дни, когда исполнилось десять лет со времени последнего акта декабристской трагедии: 13 июля 1826 года свершилась казнь пятерых декабристов. Самоотверженность и тщета усилий – отголоски декабристской темы были понятны и близки Пушкину, и в это время он чувствовал себя в ещё большем одиночестве, чем в годы казни декабристов (он перестал чувствовать любовь и сочувствие читателей, не был распродан «Пугачёв», разваливался «Современник»).

И «Памятник»... Хотя это название мы условно берём в кавычки, потому что названия у стихотворения нет, слово исходит из первой строки. Пожалуй, нет другого произведения у Пушкина, о котором было бы написано больше, чем о «Памятнике». Долгое время считалось, что «Памятник» – это апофеоз гордого благородного сознания гения, самовозвеличивание поэта. Но не всё так просто. Тем более, что Пушкин всегда стремился уйти от конкретных сопоставлений и создать внеличностный гимн творческой свободе близкого народу художника. Как верно написал о стихотворении академик М.П. Алексеев, ««Памятник», при всей его обобщающей философской глубине, представляет собой «развёрнутое воспоминание Пушкина о его жизни». Даже сама форма стихотворения, отсылающая нас к классическим канонам древнеримской поэзии, к одам Горация и Державина, к которому Пушкин относился с пиететом, возвращает нам времена лица, его студии, его корифеев и близких друзей поэта. Возможно, именно с Дельвигом, любимым другом, очень близким Пушкину по духу, поэт и ведёт доверительный разговор в стихотворении, осмелев сказать правду о созданном им и о будущем его поэзии. «Хвалу и клевету приемли равнодушно» – такое вполне мог посоветовать Пушкину Дельвиг, сообразно своему характеру, вот только Пушкин не мог быть равнодушным к клевете. Первоначально в стихотворении было упоминание и о Радищеве, с которым Пушкин сопоставлял свою горькую участь: «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства новые для песен я обрёл, / Что вслед Радищеву восславил я свободу / И милосердие воспел». «Мы не знаем даже, – замечал академик Алексеев, – готовил ли Пушкин свой «Памятник» к изданию или же стихотворение вылилось из-под его пера свободно, естественно, непреднамеренно, только для того, чтобы успокоить сердце, умерить захлёстывающие через край чувства справедливого негодования, и он беседовал наедине с самим собой или, пытаясь заглянуть в будущее, через головы своих недогадливых и неблагодарных современников, обращался непосредственно к потомкам».

Познать феномен Пушкина пытались и пытаются многие. И пожалуй, все сходились во мнении, что прикосновение к Пушкину – это именно одна из попыток. Нельзя исчерпать... Андрей Битов в своём эссе «Утроение Пушкина» написал: «Сколько Пушкина ни дополняй, а у него всё равно больше». По его мнению, точнее всех определил феномен Пушкина Лев Толстой – «идеальная иерархия слов»...

Мне вспоминаются слова Фазиля Искандера о литературе и Пушкине в частности. «Всю мировую литературу я разделяю на два типа – литература

дома и литература бездомья. Литература достигнутой гармонии и литература тоски по гармонии <...>. Литература дома имеет ту простую человеческую особенность, что рядом с её героями хотелось бы жить, ты под крышей дружеского дома, ты укрыт от мировых бурь, ты рядом с доброжелательными, милыми хозяевами. И здесь в гостеприимном и уютном доме ты можешь с хозяином дома поразмышлять и о судьбах мира, и о действиях мировых бурь».

Вот Пушкин – это «литература дома». Несмотря на его трагическую судьбу, короткую жизнь, полную потрясений и волнений. Он научил нас ценить родство, покой мирной родины, дом, уют, добро и

любовь близких. Он этого жаждал и научил нас ценить это. Он научил нас улыбаться сквозь слёзы...

И напоследок. Как верно написал о Пушкине Андрей Битов: «На нём нигде точку не поставишь...» Да, нигде. Он, подобно Карамзину, всю жизнь творил себя сам. Он делал из своей творческой жизни единый текст. Именно поэтому он, мудрый Пушкин, переставлял даты под своими стихотворениями. Потому что понимал, что неважно, когда оно написано, важно лишь то, какую мысль вносит оно в единую смысловую цепь его жизни.

Вот и мы с вами точку не поставим...

Д. Белюкин. Смерть Пушкина. Холст, масло 207х287